

ВЗГЛЯД

Милость к побежденному в крови у русских

Об историческом и духовном значении Победы в современном мире, искажении ее плодов и торжестве правды рассуждает игумен Феодосий (Нестеров), настоятель храма Александра Невского подворья Артемиево-Веркольского монастыря в Архангельске:

— Русский солдат никого не колонизировал, не уничтожал, никому не мстил. То, что на освобожденных территориях устанавливался советский режим — это факт. Но как могло быть по-другому? Страна-победитель устанавливает тот режим, который интересен побеждающей стороне. Но утверждать, что русский солдат мстил кому-то — это ложь.

Известны свидетельства немцев, которые прошли советские лагеря. Удивительно, но даже они проникались уважением к русским людям, а не ненавистью. Может быть, в этих лагерях наши и больше страдали. Но милость к побежденному — это в крови у русских. Хорошо известно из дореволюционной истории, что русский солдат не был поработителем. В Европе помнят войска Александра Суворова и с уважением к нему относятся. Русские войска были в Париже, и достойнейшим образом вели себя. Факты истории это подтверждают. Русскому солдату было свойственно глубоко христианское православно-сознание.

Если у нас будет твердая историческая память, то мы останемся живы. А если нет, то нас можно будет брать без всякого оружия. Мы сами сдадимся и станем рабами тех, кто нас пальцем поманит, а мы как бараны пойдем на заклание. Вот что такое память о Великой Отечественной войне и нашей истории. Сложной, противоречивой, неоднозначной.

В это страшное военное время наш народ нес икупление. Страдая, люди понимали, что ЭТО надо обязательно перенести. Спустя десятилетия, сегодня мы чувствуем, что страдание в военной эпохе было очистительным, икупительным после вакханалий революции, братоубийственной войны. Немецкое командование,

начиная войну, просчитало все, но только одного не учло главного: кто воюет на нашей стороне, с кем Господь Бог, с кем правда.

И послевоенное восстановление страны — несомненное чудо. То, что должно было бы растянуться на десятилетия, сделано было стремительно. Новые заводы и предприятия возникли десятками, города строились за считанные годы.

Вспомним и то, что Победа пришла к нам в Пасхальные дни. Случайность ли это? Ведь и Пасха — это Победа. Духовная Победа жизни над смертью, добра над злом.

Дух преодоления, победы и торжества — это наше христианское мироощущение. И каждый человек ощущает, что он должен быть причастником этой победы. Человеку свойственно быть победителем, стоять на пьедестале, не унижая никого рядом.

И русские люди всегда так жили. Не боялись нашествия, пожаров, моровых язв, голода. Умели начинать сначала, потому что знали, что Господь с ними всегда — и сегодня, и завтра.

Так многие люди живут. Они воспринимают этот Дух Пасхальный, торжествующий, победный, Дух красоты и света. Путь христианина — это путь Победы.

Записала
Изабелла ЗАСЕЦКАЯ.

Вот и вся улица Розы Шаниной

Девушка со снайперской винтовкой

ПОБЕДА! 70 ЛЕТ
УЛИЦЫ ГЕРОЕВ

Улица Розы Шаниной — совсем маленькая: по одной стороне всего четыре деревянных дома. Зато на другой — в двух шагах педагогический колледж, где училась Роза. Отец не хотел ее отпускать на учебу, тогда она ушла в первую свою «самоволку», из родных Устьян добралась на перекладных до Коноши, а потом до Архангельска — пешком. Такой характер.

Отец, истинный коммунист, организатор и председатель Богдановской коммуны, дочь назвал в честь революционерки Розы Люксембург. В Архангельске улицы, названные их именами, находятся относительно недалеко друг от друга, возможно, поэтому их и путают. Несколько человек, встретившихся на улице имени Розы Шаниной, на вопрос, кто она, не задумываясь, ответили: «Известная революционерка».

Впрочем, о снайпере Розы Шаниной знают многие. О ней также много написано в том числе — художественные и документальные книги. Сохранились и публикации времени войны, их можно

разыскать в Интернете.

И все же Роза — одна из самых «неразгаданных» и волнующих героев. Скромная, милая девушка, которая училась в педучилище и работала в детском саду «Береза». С первых дней войны просилась на фронт. Окончила Центральную женскую школу снайперов на «отлично», не захотела остаться инструктором, ушла на фронт. На фронте же, во время отдыха, который полагался снайперам, уходила «в самоволку» на передовую. По подтвержденным данным, уничтожила 57 фашистов. О ней много писали газеты и журналы, ее портреты печатали на первых полосах, и ней восхищенно писал Илья Эренбург.

Роза награждена двумя орденами Славы, представлена к третьему ордену, но его так и не получила — затерялись документы.

Роза вела дневник, который сейчас хранится в Архангельском краеведческом музее. Отрывки из него уже публиковались. Но почти в полном объеме впервые он опубликован в книге «Она завещала нам песни и росы», которую издал Устьянский краеведческий музей. (Автор — В. П. Мамонов, Н. Н. Порошина). Прочитав их, вдруг открываешь совсем «другую войну» — неизвестную. Дневники, конечно, личные, но именно это обстоятельство и делает

их по-настоящему пронзительными. В газетной публикации мы размещаем небольшие отрывки.

Сегодня публикуем их со ссылкой на эту книгу. Но сначала — отрывок из заметки Розы Шаниной в газете «Уничтожим врага», где она рассказывает о начале своей работы снайпером.

«Я поняла, что не убила его»

«На третьи сутки вышли на охоту. Был солнечный весенний день. Я пробиралась по траншее. То тут, то там рвались снаряды, пролетали пули... Почти целый день бегала по траншее — и безрезультатно... Наконец, к вечеру за траншеей показался немец. Я мгновенно определила расстояние до цели. Оно было не больше четырехсот метров. Дистанция подходящая. И когда фрик, пригибаясь, пошел к лесу, я выстрелила. Но по тому, как падал немец, я поняла, что не убила его. Около часа фашист лежал в грязи, не решаясь двинуться. Потом пополз. Я выпустила вторую пулю. На этот раз выстрел оказался верным. С этих выстрелов начались мои снайперские охоты на двуногого зверя — немца.

Фото Марины Третьяченко.

Окончание на 6–7-й стр.

Девушка со снайперской винт

Окончание.

Начало на 5-й стр.

...Я решила сменить позицию и перейти на соседний участок. До моего слуха донеслись одиночные выстрелы. Было слышно, что бьют из одного места. «Снайпер», – подумала я. Подошел боец из батальона. Он предупредил, что в течение трех-четырех дней немецкий снайпер обстреливает наши окопы. Это было в 9–10 часов утра. Зеленый шатер листвы, залитый ярким солнцем, скрывал цель. «Подождем до вечера», – сказала я красноармейцу...

Солнце спустилось к горизонту, между ветками деревьев оказались просветы, тут я увидела на дереве сгусток веток – точно гнездо аиста, так замаскировано. Это и был немецкий снайпер. Я выстрелила. Сначала полетели какие-то бумажки, потом винтовка, а за ней грохнулся немец...

«И в мечтах позабыла, что нахожусь в опасных местах»

12. 10. 44

...Помню дни, когда я шла в наступление с Соломатиным, которого я любила, но не верила в его любовь. Он для меня делал все. Но ведь ему в глаза смотрела смерть, ухаживать все равно за кем...

Я ушла на передовую... Бегу по ржи, откуда ни возь-

мись, Блохин. Узнала, что у них в ночь наступление, ушла к нему.

В 3 часа ночи пошли в атаку, кругом огонь, а я в первых рядах боевых порядков... Светает. Иду. Замерзла. Где свои, с трех сторон фрицы. Смотрю: вдалеке часовая, но чей? Подползла по ржи. Смотрю: наши бойцы, боевое охранение, спят усталые в ячейках. Подбегаю к часовому. Спит стоя. Узнала, что батальон Соломатина. Утром пробудились и удивились, как я их нашла.

Команда – занять сопку, я заняла, я в первых рядах. Из-под горы, метрах в 100, вылазят самоходки с десантом. Била живую силу противника. Рядом слева, метрах в 8, раздавило старшего лейтенанта и капитана, и бойцов. У меня заклинение. Села, устранила задержку и снова стреляю.

Танк прямо на меня, метров 10 впереди. Поцупала гранаты, утерала, пока ползала. Думаю, отползу. Танки идут мимоходом, бросают гранаты с них, огонь всякого рода (пулемет, автомат, снаряд), восемь подбили, остальные вернулись обратно... Я долго берегла синюю косынку из шелка как память, утерала...

Ночью в окружении мы остались с Соломатиним вдвоем. Мне не страшно было умирать, но я заплакала.

К счастью, через двое суток другая дивизия нас освободила...

Иду в тыл. И в мечтах позабыла, что нахожусь в опасных местах. Проходя по мосту, случайно устремила взор на заросший внизу овраг. Вижу, что стоит фриц. Случайное: «Хенде хох!» И поднимаются шесть рук: их трое. Выползли из оврага. Отобрала оружие, часы, крем, зеркала и т.д. Провела километра полтора, смотрю, один фриц в одном сапоге. Он просил в овраге дать ему надеть сапог. Я не поняла. Иду по деревне. Это в Польше. В маскхалате, с финкой, с гранатами, винтовка наизготовку – как бандитка, женщины смотрят. Потом зовут все обедать.

28.10.44

За местечко под Пилькалленом воевала и сама лично. Сколько раз брали и выгоняли нас...

Девчата, видя опасность, готовы меня растерзать, так как я вела их на передовую. Убило в этот раз Сашу Кореневу и ранило двоих: Валю Лазаренко и Аню Кузнецову. Я боюсь идти домой, девчата всю вину «кладут» на меня. Бойцы, ребята и командиры довольны моей храбростью. Дошло до корпуса, представили к награде орденом Славы I степени за отражение этих атак.

2.12.44

О, Боже, как скучно стало, пришла на склад ОВС, в ожидании вспомнила все... Бежим мы с Николаем Соломатиным над Неманом по лесу, по скагу берега, по кустам, быстро бежим. Поцупала: на голове нет

косынки, зеленой, маскировочной. День жаркий, солнечный. Бегу дальше. Николай посмотрел, тяжело взбираться, крутой обрыв, взял меня за руку, помог взобраться, крепко поцеловал, и бежим дальше...

6.12.44

Господи! Неужели не сможете мне разобраться во всем. Все так перепутано, о Боже!

Я бы все отдала, чтоб мне сейчас идти с солдатами в наступление. О боги, почему у меня такая загадочная натура? Я не могу понять только. Жажду, жажду боя, горячего боя. Все отдам, и жизнь, только бы удовлетворить эту прихоть, она мучает меня, спать не могу спокойно.

7.12.44

О, Боже! У нас фриц начинает бедокурить. Из 277 с.д. утащили комбата с заместителями – вот языки. В штрафбат – комполка. Снайпера, если заберут, хорош язычок, мы знаем все армии, не только дивизии и найдем в любом месте. И все же Нестерова и Тайналова ничего не сказали, когда их фрицы пытались...

Да, вспоминаю любимый Архангельск, клуб иностранных моряков, импорт-клуб, интерклуб, стадион «Динамо», большой театр, кино «Эдисон», «Арс», «Победа»...

13.12.44

12-го меня ранило. Удивительно: видела сон, пришло, что меня ранят.

Потом сижу на позиции за оптикой, вспомнила сон, и мне показалось, как будто я ранена в правое плечо. Не прошло и пяти минут, как пуля фрицевского снайпера попала мне точно в то место, где видела рану... На операции больно было. Кажется, ранение пустяковое – две дырочки, а разрежали – не заживет и за месяц. Сейчас лежу в госпитале.

18.12.44

Сейчас пришла из кино «Лермонтов». Какое большое впечатление на меня произвело оно. Характер Лермонтова – мой...

27.12.44

Когда хорошо живется, писать не хочется. Была в доме отдыха, прочитала «Сестру Керри», «Багратион». «Слава – это или твой череп расколеть во имя родины, или чужой раскрошить...» (Багратион).

Вчера пристал паренек хороший: «Дай я тебя поцелую, я уже четыре года не целовал девушку», и так убедительно просил, что я расчувствовалась, и действительно хорошенькой какой, не противный, приятно, черт с тобой, целуй, только один раз, а сама почти плакала. Почему? Из жалости.

14.01.45

С.Николаю написала: «Где б ты ни был, сокол ясный, заветная любовь моя». Написала, что без него не имею парня. Он уверял меня тогда, что любит, а теперь забыл, и даже узнала, что есть жена. Я осудила

Волосы длинные

Самый большой архив, связанный с жизнью и подвигом Розы Шаниной, – у нашей коллеги Лидии Мельницкой. Именно она отыскала безымянное захоронение в Калининградской области, в котором, как оказалось, покоилась Роза Шанина. Сегодня Лидия Владимировна рассказывает, как это было.

Весной 1965 года редакция «Северного комсомольца» послала меня в командировку в Калининградскую область со специальным заданием: побывать в местах последних боев Розы Шаниной и постараться найти, где она похоронена.

Ко Дню Победы в тех краях зацветают фруктовые деревья, сладко пахнет сирень. Весна 65-го цвела повсюду – в Калининграде (Кенигсберге), в городке Гвардейске, что неподалеку от него, в поселке Тельмановка Гвардейского района, который и был когда-то именем Рихау... Офицера, дежурившего в Гвардейском райвоенкомате, в тот предпраздничный день, 30 апреля, ждали по-

сле работы домой. Но он вместо этого отправился вместе со мной в Тельмановку да еще и напарника прихватил.

И вот зеленый сельский поселок, вторая ферма совхоза «Знаменский». С берега сонной речки Лавы открывается взгляду раздолье полей, лесов, холмов. Тишина, покой...

И вот перед нами то, что осталось от имения Рихау: заросшие травой каменные обломки, остатки фундамента каменного дома и флигеля. Крыльцо сохранилось – облицованное мрамором с массивными чугунными перилами с завитками. Вдоль остатков имения – длинные, тоже заросшие травой траншеи, два глибо-

ких окопа. На месте флигеля – большая воронка от снаряда. Кто знает, может, того самого?

Кирилл Ионович Бердник приехал сюда по вербовке еще в 1946-м, восстанавливать сельское хозяйство на территории бывшего «господского двора». Он помнил, где были могилы наших бойцов, погибших в боях за Рихау. Но в 1953 году их останки перенесли в братскую могилу в центре Знаменска. Там, в бывшем городе Велау, был крупный опорный пункт фашистских войск. Через Истенбург (теперь Черняховск) шло направление главного удара войск Третьего Белорусского фронта. Дальше – выход к южным окраинам Кенигсберга...

Бердник с женой и друзьями старожилками поселка наблюдали, как в присутствии специальной комиссии солдаты из соседней воинской части вскрывали могилы, осторожно извле-

ОВКОЙ

его за лесть и лицемерие, что он меня не любил, я не обижалась.

24.01.45

За эти двое суток все дни некогда было вздохнуть. Шли ужасные бои... Иду, пехота лежит, бояться идти дальше. Идут два штрафника-разведчика. Я пошла с ними, и в результате мы трое первыми заняли следующее имение, и все за нами пошло в атаку и стали гнать по пятам убегающего фрица. Командиры 63 сд., увидев меня, кричат бойцам: «Вот с этой девушки берите пример, учитесь у нее».

Снова ночью марш, сейчас темно, скоро рассвет, сижу у костра и пишу...

Это последняя запись дневника Розы, сделанная за четыре дня до гибели...

Брат Розы, Марат Егорович Шанин, вспоминает: «Солдат Ленцов Николай Васильевич написал мне в письме: «Прибежали на женский душераздирающий крик. Роза лежит на земле, снайперская винтовка рядом. Кричит:

– Ребятюшки, пристрелите меня скорее!

Обеими руками держит вываливающиеся внутренности разорванного осколком живота. Он перевязал ее, а солдат Дубов Леонид Васильевич помогал. Вдвоем они вынесли Розу из боя»...

Подготовила

Светлана ЛОЙЧЕНКО.

Фото с сайта <http://waralbum.ru/>

В ПАМЯТЬ

Сирень сорта «Великая Победа» посадили в Архангельске

На акции «Сирень Победы» жители Архангельска совместно с ветеранами Великой Отечественной войны посадили специально выведенные кусты «Победной сирени».

Всероссийское мероприятие прошло под эгидой волонтерского корпуса 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. В торжественном событии принимали участие волонтеры из Архангельска, Северодвинска, Новодвинска, а также жители города и окрестных домов.

– В память о наших предках, об их подвигах мы садим цветы, а в нашем случае – кусты сирени как дань уважения и благодарности этим людям, – сказал губернатор Архангельской области Игорь Орлов, который тоже посадил куст сирени.

Ветками сирени страна встречала своих героев, вернувшихся с полей войны в мае 1945 года. В память об этом отечественные селекционеры вывели специальные сорта сирени, названные «Великая Победа». Именно ее посадили 1 мая на территории центра «Патриот» в Архангельске – всего 60 кустов.

Юрий РЮМИН.
Фото автора.

Лидия МЕЛЬНИЦКАЯ.
Фото из личного архива Лидии Мельницкой.

, светлые...

кали останки погибших, и, даже не дослушав моего вопроса, не было ли среди них женщины? – Кирилл Ионович и его жена говорят оба разом: «Была, была одна женщина! Была – мы хорошо помним: волосы длинные, светлые...»

Ведут нас на берег речки Лавы (раньше она называлась Алле), показывают несколько одинаковых прямоугольных углублений в земле, поросших травой, – след от воинских захоронений. И чуть в стороне, под раскидистой грушей: «Вот здесь, здесь она лежала!», – но тут след едва заметен, почти сравнялся с землей. Девушку похоронили отдельно от солдат-мужчин. По военному времени редкая деликатность.

Да, все совпадает: пятая могила по направлению к Ильмдорфу (теперь Новобобруйск). «Роза Шанина... Роза Шанина... Снайпер...» – шепотом повторяют между собой школьники из Тельма-

новки, неотступно ходившие за нами по пятам.

Взволнованные, увлеченные не меньше этих ребят, мои спутники из Гвардейского районкомата едут со мной в Знаменск, в воинскую часть. В комнате «Боевой славы» договариваются с командованием: если по документам подтвердится, что Розу Шанину перезахоронили сюда, в братскую могилу, – ее фамилия появится на гранитном обелиске в списке павших бойцов.

А через месяц, уже в Архангельске, читаю строки, написанные крупным ребячьим почерком: «Здравствуй, дорогая Лидия Владимировна! С приветом к Вам учащиеся Тельмановской начальной школы...» Как видно, наш приезд всколыхнул весь поселок. Дети, теперь они уже мужчины и женщины, хорошо помнили, что на могилах погибших бойцов были самодельные памятники, на каждом значилось имя, фамилия,

звание. А одна из могил была заботливо огорожена. На памятнике надпись «Роза Шанина» и ее фотография.

Выяснилось, что Роза – единственная из погибших здесь воинов, чьи останки не были перенесены в братскую могилу на территории Знаменска. Все, кого расспрашивали ребята, уверяли, что своими глазами видели: ее оставили на месте, так как не знали, кто она такая, откуда, как погибла...

Время не пощадило ни скромного памятника, ни ограды, почти сравняло могильный холмик с землей. Но пионеры из Тельмановки на следующий же день, 4 мая 1965 года, выложили из пластов земли могилу заново, огородили – и 9 Мая, отмечая 20-летие Победы, провели здесь торжественный сбор...

Знаете, я почти уверена, что видела Розу Шанину в Архангельске перед войной. Во-первых, город-то был маленький... А во-вторых, не

принято было у нас, чтобы женщины, девушки ходили в брюках. Категорически осуждалось. А Розе было наплевать. Ходила в брюках, несмотря на косые взгляды. И немного враскачку. А тут как-то летом на набережной, смотрю, – идет светловолосая красивая девушка в брюках и улыбается, обнажив снежные зубы в ответ на недоумение окружающих. Детская память – она сильная. Может, из-за этой встречи я и живу всю жизнь с чувством долга перед этой «навеки двадцатилетней» девушкой.

И еще... Это обязательно: «Может, и к лучшему, что Роза погибла. Как же бы она жила-то после войны? Столько людей настреляла...» Это слова мамы Розы Шаниной. Господи, это же каким верующим и прощающим человеком нужно быть, чтобы произнести такие слова...

Лидия МЕЛЬНИЦКАЯ.
Фото из личного архива Лидии Мельницкой.